

//////////

2018

Мэри О'Коннор была частью пейзажа станции Илинг Бродвей. Зачастую ее не замечали и не ценили, так же как многие вещи, позабытые у дороги. Но на этом сходство заканчивалось. Мэри отнюдь не была потасканной и неопрятной – скорее, наоборот.

Ее волосы были собраны на затылке в аккуратный пучок, а темные пряди отсвечивали каштановым блеском. Мэри много лет не была в парикмахерской, считая это незаслуженной роскошью, но благодаря хорошей генетике ее волосы все равно были в превосходном состоянии. Той же генетике она была обязана симметричными чертами лица, высокими скулами и четким орлиным носом. Даже без малейших следов косметики ее глаза казались огромными. Ищущими, заметил бы внимательный наблюдатель. Или загнанными.

Каждый вечер Мэри отправлялась сюда прямо с работы, закончив наводить порядок на полках супермаркета в конце улицы. Идти домой переодеться времени не было – ее смена кончалась в пять тридцать, и надо было спешить на станцию, чтобы не упустить ни минуты людского столпотворения. Она просто застегивала кофту поверх фирменной желтой майки, выданной на работе. Мо-

жет, это не было модным, но красоту Мэри не могли испортить даже такие преступления против хорошего вкуса.

Едва Мэри вошла на станцию, ее тело само по себе перешло в режим автопилота. Она нашла себе место под бетонным навесом у входа, в нескольких метрах от билетного турникета, слева от киоска, торгующего кофе. Удовлетворившись выбором места, она достала табличку. Она всегда носила ее с собой, сложенную пополам и засунутую в задний карман рюкзака. Складка посередине с годами заметно истрепалась. *И не только она*, подумала Мэри, сжимая губы от резкого приступа боли под левой лопаткой. На прошлой неделе ей исполнилось сорок. Но эмоциональный груз последних лет заставлял Мэри ощущать себя старше по меньшей мере лет на двадцать.

Она была высокой, почти метр восемьдесят, и ей понадобилось несколько секунд, чтобы выровнять табличку на уровне глаз среднего человека. Затем она развела ее углы в стороны, являя свое сообщение миру. Когда пальцы начинали цепенеть, она шевелила ими, но всегда делала это достаточно осторожно, чтобы не заслонить ни сантиметра надписи: «ДЖИМ, ВЕРНИСЬ ДОМОЙ». Каждое слово было важным, каждая буква — выбита в ее сердце.

— Джим? — спрашивала она у протискивающихся мимо прохожих, склонивших головы к телефонам или к страницам бесплатной местной газеты. В последние пару лет ей стало казаться, что число людей, отвечающих ей, пугающе возросло. Но на самом деле они говорили в свои наушники, крошечные белые «запятые» микрофончиков, которые были почти невидимы и не имели никаких проводов. Это сбивало с толку. Но все равно — это *они* смотрели на нее, как будто *она* была оторвана от реальности.

В удачный день один или, может, даже два человека могли остановиться и спросить про нее или про Джи-

ма. Обычно это были какие-нибудь озабоченные доброжелатели, считающие, что она нуждается (или что повредилась в уме), и с ней нужно пообщаться пару минут. Несмотря на ее аккуратный вид, пару раз в месяц люди пытались сунуть ей сколько-нибудь денег. Но как было объяснить им, что если ее и можно назвать бездомной, то лишь в том смысле, что она лишилась человека, который был ее домом? Они всегда уходили раньше, чем Мэри удавалось подыскать нужные слова.

Зимой она покидала свой пост, когда ее руки так поченели, что табличка начинала выпадать из них — после примерно двух часов в тонких шерстяных перчатках. Это всегда вызывало в ней новый приступ вины. Что, если она ушла слишком рано? Что, если Джим пройдет как раз в ту минуту, когда она вставляет ключ в замок своей квартиры? После почти семи лет этой рутинной работы, после шести полных циклов зима-весна-лето-осень, она почти примирилась с этим сосущим ощущением своей безответственности, всегда сопровождавшим ранний уход.

Но сейчас, в начале августа, она могла простоять до десяти вечера. Это даст ей лишний час, судя по серебряным часикам на тонкой цепочке, его драгоценному подарку. Мэри готова была выносить боль в ногах, плече и сердце, потому что ей все равно некуда было идти и не хотелось видеть квартиру, пустую, как мавзолей, удушающую своей тишиной.

Она подождет еще этот час, и даже тогда, она знала, ей будет хотеться остаться возле станции навсегда. Она будет ждать до тех пор, пока у нее не подогнутся колени. Она не двинется с места, не переступит, не бросит. Она не сдастся. Она будет ждать, ждать — и потом подождет еще немного. В конце концов, не это ли она обещала Джиму?

На краю света или в Илинге. Всегда.

//////////

– 1 –

2018

Десять. Мэри повертела головой из стороны в сторону. В шее что-то щелкнуло, а потом как будто слегка зашуршало, как листья под ногами. Те, кто говорят, что стоять полезно для здоровья, явно не проводят на ногах двенадцать и более часов в день. Сложив табличку, Мэри засунула ее обратно в рюкзак и оглядела станцию в последний раз. Хотя она уже успела привыкнуть к разочарованию, вид перрона, где не было того единственного, желанного лица, причинял боль.

Поскольку был вторник, у Мэри не было времени зайти домой до ее ночной, с одиннадцати вечера до трех утра, смены в «НайтЛайне», местном кризисном кол-центре. Она работала в ту же смену еще и по четвергам, и работала бы больше, если бы Гед, начальник и старший наблюдатель, решительно не отказал ей из опасений, что она перенапряжется до истощения. Она и в самом деле была настолько измученной – и физически, и эмоционально, – что уже забыла, как бывает по-другому. Она надеялась, что пятнадцатиминутная прогулка от станции до начальной школы Святой Катарины, где располагался благотворительный кол-центр, взбодрит ее настолько, что сил хватит на ночное дежурство на телефоне.

Когда Мэри только начала работать в «НайтЛайне» — спустя три месяца после всего, что случилось с Джимом, ей, даже несмотря на то что она уже начала нести вахту на станции, все время казалось, что этого недостаточно. Потеря оставила в ее жизни такую пустоту, что этот разверзшийся кратер поглотил ее целиком. И даже притом что все это невозможно было заполнить, Мэри понимала, что она должна хотя бы *пытаться* делать что-то, чтобы удержаться за оставшиеся обрывки будущего.

И поэтому, когда объявление о поиске новых волонтеров появилось на местной доске объявлений в самые первые дни ее работы в «СуперШопе», Мэри инстинктивно оторвала листочек и засунула в карман штанов. Первые пару дней он там и оставался. Всякий раз, когда она думала написать туда и навести справки, перед ней, не давая нажать на кнопку «Отправить», как марионетка, выскакивала одна из маминых любимых фраз: *Ты не можешь никому помочь, пока не поможешь себе.*

В этом афоризме, как и во всех других, была своя логика, но если бы помощь другим предлагали только те, кто не нуждается в ней, благотворительных организаций наверняка бы не существовало? Кроме того, Мэри отвечала большинству требований для волонтеров — она была обязательной, надежной, хорошим слушателем. Она не до конца была уверена в своей способности «оставаться уверенной в кризисной ситуации», но сказала себе, что «НайтЛайн» ничуть не хуже других возможностей этому научиться.

Она никогда не получала столько информации в таком интенсивном режиме, как во время своих первых тренингов. Тед начал с выделения наиболее важных страниц в толстом учебнике, но скоро оставил это; возможно, он понял, что Мэри достаточно сознательна, чтобы самосто-

ательно выучить его от корки до корки. Столько чтения, но из всего этого Мэри в итоге приняла к сердцу единственную фразу, выделенную наверху страниц в качестве девиза всей организации, — «*Место для разговора*».

Она опять подумала о Джиме, что не было ново само по себе, но ее мысли получили новое направление. Она провела столько времени, перебирая все их разговоры, какие только могла вспомнить. Но теперь она осознала, что, даже если вспомнить все до последней буквы, эти цепочки слов все равно не смогут передать всей истории. И Мэри пообещала себе, что будет предоставлять своим ночным собеседникам так много пространства, как только сможет.

Хотя ее самооценка за последние годы практически рухнула, она знала, что была хорошим волонтером. И, несмотря на свою тяжелую роль, начала понимать, что в эти дни в «НайтЛайне» чувствовала себя лучше, чем где угодно еще. Тут было ощущение собственной пользы, поддерживающее после всех перепадов дневной вахты. Тут была поддержка школьных стен. И тут была компания других волонтеров, к которым она по-настоящему привязалась.

Из всех них дольше других она знала Теда, хотя он, строго говоря, не был волонтером. С тех пор, как два года назад умерла его жена, он решил не отвечать на телефонные звонки, пока сам находится в горе. И работал только в режиме «управления» — составлял расписание, координировал, занимался скучной рутинной. Оба они были как корабли в ночи, проходящие друг мимо друга, пока в прошлом году, когда его младший сын уехал в университет, он не признался Мэри, что чувствует себя довольно одиноко.

Нас таких двое, подумала Мэри, прежде чем раскрыться настолько, чтобы спросить, не хочет ли он иногда

сходить на прогулку. И теперь прогулка воскресным утром вошла для них обоих в привычку. Несколько недель назад они вместе дошли до Кью, чтобы «отметить» его пятидесятилетие — если так можно назвать два кекса, съеденных в кафе.

— Добрый вечер, — поздоровалась Мэри, входя в класс.

Тед стоял к ней спиной. На нем была обычная майка поло и шорты цвета хаки. Он стоял под лампой, и его бритая голова сама светилась, как лампочка. Мэри увидела, что он наполняет заварочную чайную колбу. Та, однако, сопротивлялась. Барабан из нержавеющей стали качивался на краешке стола.

— Мэри!

Обрадовавшись ее приходу, Тед ослабил руку, державшую колбу, и та со звоном упала на пол. Оба вздрогнули.

— Эта штука просто кошмар какой-то, — сказал Тед. Барабан закатился под стол. Мэри всегда удивлялась, насколько нейтрально звучал его голос для ее ирландского слуха. Ни тени акцента, хотя у него были все признаки простого парня, состарившегося в Ист-Энде.

— Хорошо съездил? — спросила Мэри.

Тед кивнул, и Мэри заметила его загар. Он всегда был достаточно загорелым — одно из следствий работы садовником, — но теперь, после двух с половиной недель, проведенных в гостях у своих старых родителей в Дорсете, он стал просто бронзовым. И от этого помолодел лет на десять.

— Спасибо, да. Хотя так тяжело видеть, как они стареют.

Мэри старалась не думать о своей собственной маме, сильно сдавшей в последнее время. Ее распухшие щиколотки как теннисные мячи нависали над домашними тапками. *Примерная дочь*, напомнила она себе, *проводит*

ла бы вечера, стараясь помочь ей, а не торчала бы где-то на станции в тысяче километров. Но она задвинула эту мысль подальше.

— Я пойду, — прорвался сквозь ее размышления голос Теда. Похоже, она промолчала дольше, чем ей казалось, потому что, сфокусировавшись на комнате, она увидела, что Тед колеблется, не обнять ли ее на прощание. Вместо этого Мэри изобразила ему самую убедительную улыбку.

Когда он ушел, она села, наматывая на указательный палец телефонный шнур и ожидая прихода двух остальных дежурных волонтеров.

Вскоре она увидела в окно, как Кит и Олив переходят дорогу. Кит — двадцати с чем-то лет, с неисчерпаемой энергией школьника — рассказывал какой-то анекдот. Его светлые волосы падали на глаза, и Мэри могла представить, что Олив — хиропрактик на пенсии — с трудом удерживалась, чтобы не предложить ему резинку для хвостика. Кит был воплощением хорошенького лидера мальчишеской музыкальной группы, но с легким налетом неряшливости, отчего он всегда выглядел так, будто только что вернулся с какого-то фестиваля. Только подумать, что днем он работал в инвестиционном банке.

— Мне это кажется слегка натянутым... — проговорила Олив, войдя в комнату.

Обернувшись, она помахала Мэри рукой и направилась к учительскому креслу на колесиках. Расстегнув липучки своих сандалий, она вытащила из них ноги. Олив была старой знакомой Теда и работала в «НайтЛайне» с самого его основания. Это отчасти объясняло, почему она считала это место своей вотчиной.

— Как дела, *амиго*?¹

---

¹ Amigo (*исп.*) — друг.

Последнее, что слышали все волонтеры, — Кит скачал себе приложение по изучению испанского. Теперь, похоже, этому не будет конца.

В наступившей тишине Мэри осознала, что он обращается к ней.

— Это я?

— Что новенького? — подтвердил Кит.

— Да есть кое-что. — Точнее было бы сказать *ничего*. Но как объяснить Кита, что ее жизнь никогда не отклоняется от привычного курса — смена в супермаркете, вахта на станции и два вечера в неделю здесь, в «НайтЛайне»? Она могла только представлять себе его образ жизни в Сити, наполненный тяжелой работой и множеством развлечений. И последнее, в чем она нуждалась, — это жалость.

— Летний отдых на горизонте?

Прежде чем Мэри успела пройти через муки ответа, телефон возле Олив звякнул.

— По местам! — рявкнула Олив на Кита. — Начинаем.

Скоро они начали по очереди отвечать на звонки, и комната погрузилась в молчание. Первый вызов Мэри оказался долгим, часа на два. Это был молодой человек, от которого ушла жена, забрав годовалых близнецов. Всегда нелегко выслушивать кого-то, кто не знает, ради чего ему имеет смысл просыпаться по утрам, и Мэри, без сомнения, могла разделить эти чувства лучше многих других. Конечно, она не говорила об этом. Волонтеры сохраняют анонимность и не должны давать даже намека на свою личную жизнь. Она обнаружила, что становиться пустым местом бывает утешительно. Для нее это стало более естественно, хотя она и понимала, что это нездорово.

Повесив трубку, Мэри сделала перерыв на пару минут. Съела шоколадку, оставленную ей Тедом, и налила новую чашку чая. Позже, оглядываясь назад, она думала, как са-

мые экстраординарные события, кажется, всегда случаются в самые обыкновенные моменты. Но в данный момент она, проглотив остатки шоколадки, снова подняла трубку.

— Добрый вечер, вы позвонили в «НайтЛайн». Прежде чем начать разговор, я дол...

— Алло? — мужской голос на другом конце линии звучал сдавленно и хрипло, как будто микрофон закрывали рукой.

— Алло, добрый вечер, это «НайтЛайн». Сначала я должна задать вам несколько вопросов...

— Я хотел сказать, что соскучился.

Мэри не поверила своим ушам. А ведь она провела здесь достаточно времени и думала, что слышала все.

— Ты еще тут? — спросил голос. Звук был приглушенным, слова звучали нечетко и смазанно.

— Да, да... — Мэри положила свободную руку на стол и увидела, что она дрожит, несмотря на напряженные мышцы. На секунду она попыталась сосредоточиться на текущем моменте. Но это было бесполезно; она уже уносилась по спирали времени назад, туда, где они только встретились. Ведь это же невозможно, правда?

— Ты слышала, что я сказал? — Слова словно бы падали одно за другим, без сомнения, в результате опустошения полбутылки, если не больше, виски. Ее пульс бился и гремел.

— Да. Слышала, спасибо. Ты... ээ... соскучился. — На последних словах она запнулась. То, что сначала пробежало по ее спине тонкой струйкой надежды, теперь захватило каждую клеточку тела.

— Я соскучился по тебе.

Мэри быстро взглянула через левое плечо, чтобы убедиться, что ни Кит, ни Олив не подслушивают. Она ощу-

щала себя одновременно и защищающей добычу тигрицей, и той самой беззащитной жертвой, находящейся в нескольких сантиметрах от ее челюстей.

— Это был мой худший день за многие годы. Я так одинок, никто, никто не будет слушать меня. Так трудно найти силы, чтобы продолжать, когда не к кому обратиться. Кроме тебя. Ты всегда была здесь, со мной. Ты никогда не отступалась. Ты мое надежное...

На линии раздался треск. Мэри пропустила последнее слово, но сама произнесла те буквы, которые, как она знала, были там.

Место.

Прижав руку ко лбу, она обнаружила, что он был липким и теплым, как бывает, когда заболеваешь. Новый треск призвал ее лихорадочный разум к действию.

— Где ты? — сумела спросить Мэри. Даже если ей не удастся узнать место, координаты или хоть что-то прослеживаемое, сойдет даже и одно слово. Одно слово, ей больше не надо. *Ладно.* Потому что, если он все же позвонил, спустя столько времени, на это должна быть причина. Потому что, господи, а что, если он в опасности, или болен, или...

— Я не могу тебе сказать. Не теперь. Я хочу, чтобы ты услышала меня, Мэри.

У нее захватило дыхание.

— Ты знаешь мое имя, — прошептала она, больше даже себе, чем кому-то еще.

— Что? — На другом конце линии снова раздался шорох, искажающий и прерывающий голос звуками невыключенного радио.

— Алло? Ты тут? Алло? — Мэри повысила голос, прорываясь сквозь ненадежную связь, пробивая помехи всей силой своего отчаяния. — Алло? — Ее снова охватило ужас-